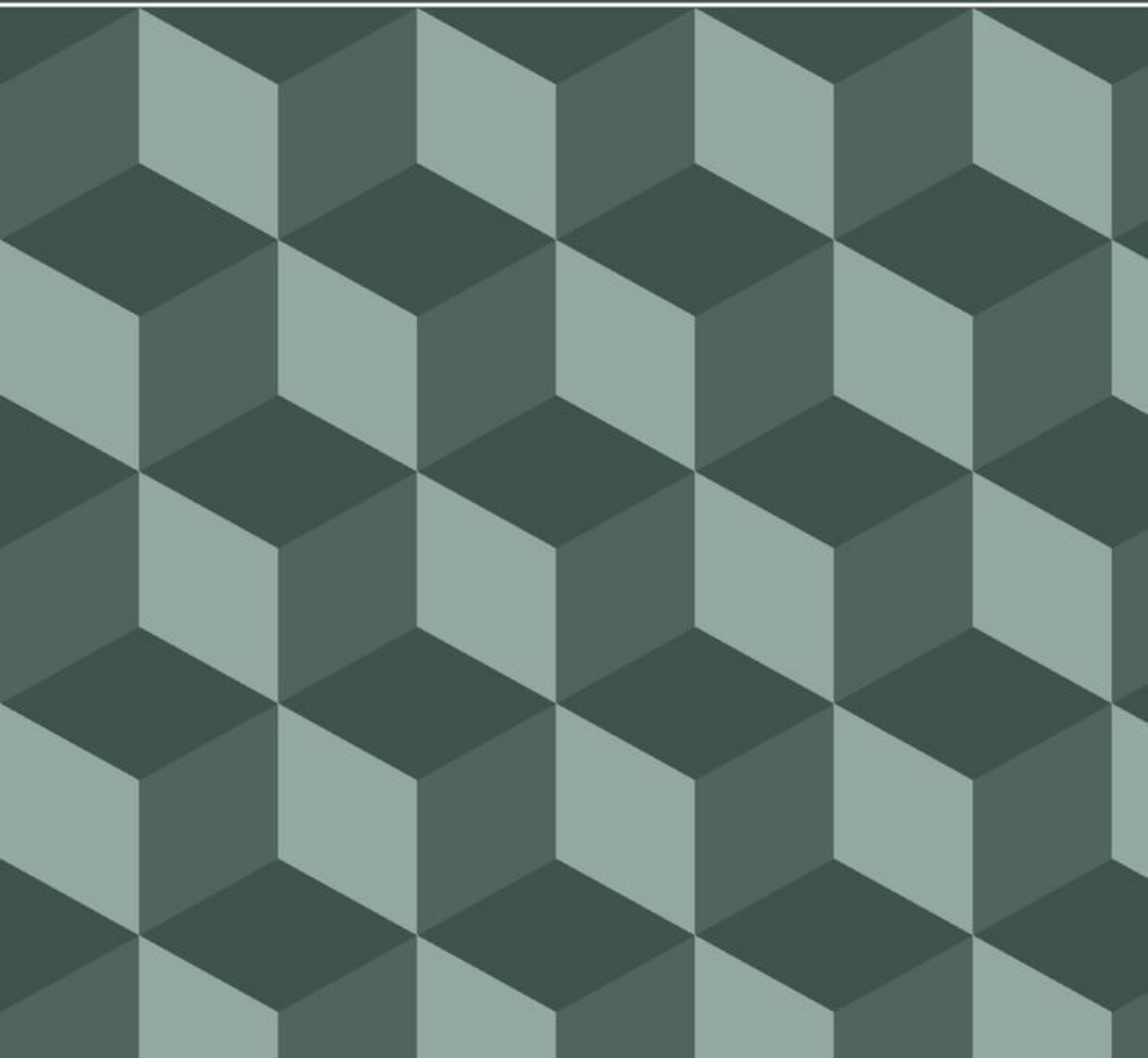

18+

Юрий Меркеев

Рождественское чудо

Юрий Меркеев

**Рождественское чудо.
Для семейного чтения**

«Издательские решения»

Меркеев Ю.

Рождественское чудо. Для семейного чтения / Ю. Меркеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745501-9

Сборник рассказов для семейного чтения. Прекрасная детская литература. С юмором, с доброжелательным отношением к персонажам, с любовью ко всему живому. По данным счетчика Мэйлру сборник «Рождественское чудо» был самым читаемым произведением в журнале «Новая Литература».

ISBN 978-5-44-745501-9

© Меркеев Ю.
© Издательские решения

Содержание

Рождественское чудо	6
Грабеж, да и только!	9
Гермиона	12
Верина Надежда	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Рождественское чудо Для семейного чтения Юрий Меркеев

© Юрий Меркеев, 2020

ISBN 978-5-4474-5501-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождественское чудо

Приближался праздник Рождества Христова. Машенька знала о том, что в Рождественскую ночь сбываются самые сокровенные желания. Девочке очень хотелось чуда.

Когда Маша была совсем маленькая – она помнила это отчётливо, – святой Николай подбросил ей в кроватку куклу, о которой девочка давно мечтала. Она тогда притворилась спящей, а сама всю ночь ждала чуда, и ей удалось подглядеть, как под утро в комнату зашел седобородый старичок в красном кафтане и, напевая про себя какую-то песенку, положил ей в кроватку куклу. А в прошлом году Маша обнаружила под ёлкой в своей комнате плюшевого медвежонка с большими добрыми глазами. Его, верно, тоже подбросил святой Николай. Медвежонок пока не умел разговаривать, но зато был очень послушным. «Интересно, – думала Маша. – А что же волшебного произойдёт в эту Рождественскую ночь? Что-то обязательно случится». Может быть, она опять увидит у своей кровати какую-нибудь красивую игрушку, а может... исполнится её давняя мечта иметь свои собственные коньки и пойти на каток с бабушкой. Вот было бы здорово! Кругом много ребятишек, раздаётся радостный смех, играет весёлая музыка, и она, как снежинка, кружится в каком-нибудь фантастическом танце.

Старший брат Дима посмеивался над ней и говорил, что чуда никакого не бывает. Что всё это выдумки наивных взрослых и что подарки подбрасывают папа с мамой. «Чудо, – важно объяснял он. – Это когда чего-то появляется вдруг, а ты не знаешь, откуда. Понятно?».

Маша молча пожимала плечами.

Однажды Дима сказал:

– Если бы у меня был волшебный коробок со спичками, я бы одну спичку надломил, – он хитровато прищурился, – и попросил бы знаешь чего?

– Чего? – с придыханием спросила Маша.

– Миллион тыщ таких спичек, – с гордостью ответил он и высокомерно взглянул на сестрёнку. – А ты бы чего попросила?

– Я? – застигнутая вопросом враспloch Маша смущённо заморгала. – Я бы попросила... Она задумалась и после небольшой паузы твёрдо проговорила:

– У тёти Наташи, нашей соседки, очень сильно разболелась нога. Она вчера поскользнулась и упала на улице. Вчера она маме сказала: «Нога разболелась так, что хоть режь». Так вот, – продолжала девочка, – я бы попросила, чтобы у неё тут же зажила нога.

– Эх ты, – обречённо вздохнул Дима. – Глупенькая. Ничего ты не понимаешь. Израсходуешь все спички на разные пустяки, а потом будешь у меня кланчить. Учти, не дам. Ты сначала научись на дело их тратить, – не на шутку разошёлся брат. – У тёти Наташи и так нога заживёт, а ты спичку израсходуешь. Ну до чего же ты, Машка, глупая! Ты вот что, – напоследок предупредил он. – Папе с мамой не говори, что я правду про чудо знаю. А то расстроится.

Вечером, когда Маша уложила спать своих кукол, а плюшевого медвежонка, как обычно, поставила сторожить их сон – дело в том, что глаза у него были всегда открыты, – она с чувством исполненного долга легла сама и вдруг вспомнила дневной разговор с братом. И подумала: «Какой он всё-таки странный. Говорит, что знает правду о чуде, а сам ничегошеньки и не знает. Говорит, что чудо – это когда чего-то вдруг появляется, и не знаешь, откуда. – Машенька тихонько рассмеялась. – Какой же он глупенький! Узоры зимой на окнах появляются, кто их рисует? Значит, это чудо. А луну кто каждую ночь подвешивает на небо? А снежок кто с неба посыпает? Хоть он и старше меня на два года, – подумала девочка, засыпая, – а совсем ещё глупенький».

В сочельник приехала бабушка и привезла «сочиво», вкусную рисовую кашу с изюмом и мёдом. Никто не умел так вкусно готовить, как бабушка. Машеньке она однажды открыла свой секрет: «Прежде чем взяться за что-нибудь, я всегда прошу помощи у Бога».

– Подожди, бабушка, – удивлённо воскликнула Маша. – Ведь Бог родится только завтра. Как же я у него буду что-то просить, если Он ещё не родился?

Бабушка улыбнулась и погладила внучку по волосам.

– Бог не рождается и не умирает, как люди. Мы же празднуем день рождения Иисуса Христа, который пришёл на землю в образе простого человека и пострадал на кресте, – ласково пояснила она. Потом с умилением посмотрела на Машу. – Твой день рождения мы ведь тоже празднуем каждый год, хотя родилась ты не сегодня. В Рождественскую ночь ты можешь попросить исполнения своей самой дорогой мечты, – продолжила бабушка голосом, каким обычно читала сказки на ночь, и вдруг загадочно улыбнулась. – Ты ещё не разлюбила смотреть по телевизору фигурное катание? – спросила она как бы невзначай. Маша рассеянно кивнула. Она думала о другом.

– Бабуль, я хочу у тебя кое-что спросить... – девочка умоляюще взглянула на Евдокию Кузьминичну. – Правда ведь, чудо – это не выдумки взрослых?

– Нет, конечно, – воскликнула бабушка. – Чудес вокруг нас полным-полно. Только не каждому они открываются. Чудо видит только тот человек, который в него верит. А верит в чудеса только тот, кто прикоснулся к Богу.

Она вынесла из прихожей книжку и подала её Машеньке.

– Это Рождественская история, – сказала она. – В картинках. Мой подарок тебе к Рождеству. Прежде чем лечь сегодня спать, полистай эту книжку.

Она поцеловала внучку и пообещала разбудить её рано утром, если та не проснётся сама.

Наступила волшебная ночь. Машенька решила не спать до самого утра, чтобы не пропустить появления первой звезды. В эту ночь она не стала укладывать своих кукол, а плюшевому охраннику строго-настрого приказала отгонять от них сон. «Хорошо ему, – весело подумала она. – У него глаза никогда не закрываются, поэтому он никогда не спит». Все свои игрушки Маша разместила под ёлочкой. Им там будет хорошо.

Девочка легла на кровать, открыла бабушкин подарок и стала разглядывать картинки. Она увидела старинный ночной город; на одной из узких улочек – удивительной красоты девушку в накидке от дождя, рядом с которой стоял седовласый бородатый мужчина с добрыми глазами. Потом дорога повела в горы... Зачарованная Маша остановилась в огромной долине, где пастухи пасли стадо овец. По склону горы на фоне изумрудного ночного неба медленно спускался караван верблюдов, навьюченных какими-то тюками, а впереди с посохами в руках шли три бородатых старика в богатых одеждах. В небе вдруг вспыхнула звезда, которая всё вокруг осветила. И девочка отчётливо увидела, что находится недалеко от пещеры, из которой доносится плач младенца. Откуда-то сверху, прямо с неба, потекла музыка: «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человеках благоволение...». Маша вспомнила этот тоненький перезвон небесных колокольчиков. Однажды она уже слышала эту музыку... в тишине, ночью, зимой, когда находилась одна в своей комнатке. Эта музыка доносилась с улицы, откуда-то сверху. Она тогда разбудила Диму, но он ничего не услышал и сказал, что ей всё это мерещится. Какой же он всё-таки смешной!

Затаив дыхание, она вошла в пещеру. «Подойди, прикоснись ко Христу, – услышала она бабушкин голос. – Чудеса рядом с нами, но видят их только те, кто прикоснулся к Богу». Машенька вдруг почувствовала чье-то ласковое прикосновение и... проснулась. За окном кружились снежинки, в небе сияла первая утренняя звезда. Рядом с кроваткой стояла бабушка.

– С Рождеством, милая моя внучка.

– С Рождеством, бабушка.

Маша потянулась, зевнула и не торопясь слезла с кроватки. Неужели она спала? А как же Миша, куклы? Она метнула взгляд в сторону ёлочки и обомлела. Там, рядом с плюшевым мишкой, лежали чудные белые коньки, о которых она мечтала.

Утром был праздничный пирог с чаем. Нарядная ёлка в большой комнате сверкала множеством разноцветных огней. Пахло мандаринами. Дима получил в подарок изумительный детский конструктор и возился с ним, что-то собирая.

Этим утром произошло ещё одно чудо. К ним на минуту заскочила соседка тётя Наташа, поздравила всех с праздником, принесла в подарок большого шоколадного зайца, коробку конфет, всех расцеловала, а потом радостно сообщила, что нога у неё за ночь совершенно зажила, и что она не может понять, каким образом это чудо свершилось.

Бабушка и внучка с улыбкой переглянулись.

– С Рождеством всех вас...

Грабеж, да и только!

Мне было девять лет, когда родители решили отправить меня и моего старшего брата Диму накануне Пасхи к тётке Наташе, моей крёстной и родной сестре отца. У тётушки не было детей и семьи, поэтому к нам, племянникам, она относилась с горячей любовью.

Крёстная встретила нас на железнодорожном вокзале, купила по мороженому и повезла в свою однокомнатную квартирку, расположенную на окраине города рядом со старым кладбищем. Дима почти сразу убежал на улицу знакомиться с местной ребятнёй, а я остался помогать тётушке готовить пасхальный кулич и украшать яйца. Крёстной явно не терпелось поделиться со мной чудесными историями, связанными с церковными праздниками. Таинственным полущёпотом она поведала о взлетевших на купола собора брачных венцах, о кровавых слезах Богородицы и о вросшей в пол комсомолке Зое, которая отважилась в пьяной компании плясать с образом Николая Угодника в руках, да так и осталась стоять, словно мумия, на одном месте. Тётя прибавила, что будто бы впоследствии эту Зою вырезали вместе с полом электропилой и отвезли в больницу, чтобы постигнуть причину чуда, но так ничего и не постигли. Во время рассказа тётушка странно преображалась: глаза её сыпали искрами, она казалась мне безумной. В конце каждой истории она бурно крестилась и приговаривала: «Господи, удостой грешную рабу Наталью своими глазами увидеть чудо!». Иногда плакала, а иногда смеялась, и от этих внезапных перемен настроения её истории приобретали зловещие очертания «страшилок», которыми обычно пугают детей. Впрочем, мне это было даже интересно. Поэтому, когда она спросила, не хочу ли я пойти вместе с нею в пасхальную ночь на кладбище, христосоваться с покойничками, я, вместо того чтобы отказаться, с мальчишеской бравадой ответил «да».

– Димку не возьмём, – рассудила крёстная. – Он в Бога не верует и всё время хохочет. Покойнички – люди суровые. Они шуток не любят.

Последняя фраза тёти показалась мне комичной, и я сам чуть не расхохотался.

Спать легли рано. Тётя расположилась на полу, нам постелила на диване. Дима почти моментально уснул и засопел, вероятно, от того что в поезде нас нещадно трясло. Я долго ворочался, возбуждённый тётиными рассказами. Не заметил, как задремал. В коротком кошмаре ярко и выпукло увидел разом все рассказанные тётей истории. Проснулся я, оттого что меня за плечо трясла крёстная. Она была уже одета. Я потянулся, зевнул, зашёл в ванную, потом на кухню, где перед иконками теплилась лампадка. Тётушка складывала в сумку какую-то снедь.

– Кулич взяла, яйца взяла, водку не забыть, – бормотала она. – Так полагается. Рюмочку нальём и на какой-нибудь могилке оставим. Покойнички – люди суровые. Лежать им там несладко, а раз в год и разговеться можно.

За окном густо темнела ночь, но где-то справа, с востока, пробивалась полоска света.

– Господи, удостой увидеть чудо! – воскликнула тётя и, умилённо поцеловав иконку, затушила лампаду. – Пошли, – заговорщически шепнула она.

Внутри у меня все клокотало. Я участвовал в приключении, о котором мог только гре- зить.

До кладбища от тётиного дома было рукой подать, однако мне показалось, что мы доби- рались до него едва ли не час. Наконец, вошли в ворота и нырнули в темноту кладбищенских аллей. И тут бравада покинула меня. Я схватил тётю за руку, потому как мне померещились чьи-то приглушённые голоса, стоны и вой. Крёстная тащила меня в глубь старого кладбища. Кажется, она была настолько уверена в эксперименте, что ничего и никого не боялась. Около каких-то могилок, обильно заросших кустарником, крёстная остановилась, трижды поклонив-

лась земле, затем рухнула на колени, вынудив меня сделать то же самое, и каким-то сладеньким голосом пропела:

– Христос воскрес, покойнички. Каково живётся вам там, родимые?

И наострила уши, впиваясь взглядом в темноту. Ещё мгновение, и я, наверное, потащил бы тётю обратно домой. Однако в этот момент случилось то, что я меньше всего ожидал – от страха и нервного перевозбуждения я начал похохатывать. Тётя сверкнула глазами и прижала ладонью мой рот, но тут произошло нечто такое, что буквально пригвоздило нас обоих к прохладной земле. За густым кустарником кто-то чихнул и пробурчал прокуренным мужским басом:

– Хреново, мать.

– А-а-а! – закричали мы с тётей.

Кажется, волосы встали у меня дыбом. Тётя, вероятно, также не была готова к столь быстрому и явственному чуду, потому как больно сдавила мою ладонь и пробормотала нечленораздельное:

– Я да... Да мы... Я мы...

Тётушку будто заело.

– Ты, мать, это... водки принесла? – строго спросил покойничек.

Крёстная икнула, высвободила, наконец, мою ладонь и стала спешно выкладывать из сумки всё, что принесла.

– Ты это... чего молчишь? – прогудел бас.

Тётя взяла себя в руки.

– Принесла, принесла, – оживилась она. – Чи, знаю, что лежать несладко.

– Холодно, – помог ей покойничек.

– Холодно, – ухватила её тётушка. – И сыро. Раз в год-то и разговеться можно.

– Ты это... На могилке всё оставь, а сама иди, мать, иди, – почти ласково прибавил покойник. – А с тобой это кто? – неожиданно спросил он.

– Со мной-то? – встrepенулась тетя Наташа. – Это племяш мой. Погостить приехал.

– Племяша с собой забери, – приказал бас. – И уже иди, иди, – взмолился он.

– Бегу, – ответила тётя и снова, схватив меня за руку мёртвой хваткой, потащила к выходу. Должен признаться, что рванули мы с тётей по-спринтерски. Позади себя я услышал треск ломающихся веток кустарника и, охваченный любопытством, на мгновение обернулся. Я увидел силуэт какого-то взлохмаченного бородатого мужика, который шарил руками в том месте, где крёстная выложила продукты и водку. И почему-то вспомнил фразу тётки о том, что «покойнички люди суровые». Именно – люди! Выскочив за ворота кладбища, тётя замедлила бег, перешла на шаг, а затем и вовсе остановилась отдышаться. Мне показалось, что она над чем-то напряжённо думает. И захотелось как-то утешить её.

– Кажется, вас, тётя, Бог услышал, и мы чудо увидели, – радостно заметил я.

Крёстная как будто и не слушала меня. Она нахмурилась, затем хлопнула себя по лбу ладошкой и воскликнула, возмущённо потрясая кулаком в пустоту.

– Вспомнила! Вспомнила этот голос. Ух, паразит! Это ж местный бомж по прозвищу Челентано. Живет на кладбище. Грабёж, да и только! – Она повернулась ко мне. – Ты что-то сказал?

– Я? Ничего.

– Грабёж, да и только, – продолжала сокрушаться тётя Наташа. – Чуда захотелось. Недостойная я, чтобы мне чудо подавать. Во как! – заключила она.

Подходя к дому, тётушка обратилась ко мне с просьбой не рассказывать никому о нашем ночном приключении, уж тем более Димке, который к тому же и в Бога не верует. Я, конечно, дал своё согласие.

Утром был пасхальный кулич с чаем, крашеные яйца, много всего вкусного и хорошее доброе настроение, может быть, ещё и оттого, что своим безрассудством тётя невольно создала праздник ещё одному неизвестному мне человеку по прозвищу Челентано.

Гермиона

В каждом дворе наверняка найдётся хотя бы одна девочка, которая очень... нет-нет, **ОЧЕНЬ** любит кошек – до самозабвения, до слёз.

Живёт такая девочка и в нашем доме. Зовут её Дашенька. Ей годика три-четыре, но, несмотря на свой капельный возраст, она знает всех кошек в округе поимённо, и домашних, и диких. Сдаётся мне, что кошки отвечают Даше взаимностью. Стоит ей выйти во двор с пирожком или бутербродом, как вокруг неё тут же собирается небольшая стайка ласковых «вымогателей».

Однажды молодой рыжий Барсик зачем-то забрался на самую высокую берёзу и начал орать. День орал, другой. Нервы у главной кошатницы нашего дома тёти Вали дрогнули, она вызвала спасателей МЧС и местное телевидение. Кота спасали всем миром, и, когда Барсик был вызволен из западни, усатый дяденька в форме сотрудника МЧС сердито произнёс:

– Сколько выезжаю на подобные вызовы, ни разу не видел на дереве высохшую мумию кота. Кошки хитрые бестии.

Услыхав это, Дашенька зарыдала, хотя едва ли поняла, о чём говорил офицер. Я присутствовал при этом, и, глядя на лицо девочки, понял, что плачет не Даша, а ангел, который находится в ней.

Как-то раз по весне к нашему дому прибилась пёстрая пушистая кошка-инвалид на сносках. Она с трудом передвигалась на двух передних лапах, волоча за собой парализованные конечности. Но при этом была поразительно ласкова, добра к людям – к существам, которые, возможно, стали причиной её увечья. Жила она в подвале, и когда на улицу выходила Дашенька, тут же появлялась рядом с девочкой, получая и даря порцию душевного тепла. На правах доброго опекуна Даша назвала пестрянку Гермионой, вероятно, в честь любимого персонажа фильмов о Гарри Потере. Гермиона толстела не по дням, а по часам, и, чем округлее становилась, тем яснее было нам, взрослым людям, что она вряд ли сможет благополучно разрешиться от бремени. Скорее всего, погибнет и она, и её котятка. Потому жители нашего дома относились к этой животинке особенно ласково. Иногда, наблюдая за тем, как безропотно и спокойно кошка переносит свои страдания, я в восхищении качал головой, вспоминая свои собственные малодушные протесты даже против самой пустячной боли. Поистине у животных можно поучиться смирению. Дашенька очень привязалась к Гермионе, и я с трудом мог представить себе, как девочка переживёт боль утраты.

Через неделю кошка окотилась и умерла. На свет появились пятеро слепых котят, которых быстро разобрали жители нашего дома. Одного котёнка, разноцветного, похожего на Гермиону, взяла Дашенька. Несмотря на радость приобретения маленького существа, девочка ходила по двору очень грустная. Очевидно было, что она тоскует по Гермионе. Однажды она набралась смелости, подошла ко мне и задала прямой вопрос, какой могут задать только маленькие дети.

– Скажите мне, пожалуйста, только правду. Где сейчас находится Гермиона? В раю?

Вопрос был поставлен ребром. Пытливые детские глазки впелись в меня в ожидании ответа. И я сдался. Я солгал. Мне ничего не было известно о посмертном состоянии кошечки, но я уверенно заявил:

– Поверь мне Даша, Гермиона сейчас находится в раю рядом с Боженькой. Даже если она в чём-то и согрешила за свою кошачью жизнь, съела какую-нибудь пташку или стянула у бабушки Вали кусок колбасы, Боженька давно простил ей это. А за свои страдания она, возможно, получила особый венец, и сейчас точно находится в райских садах, где нет страдания, боли, где никого не надо ловить, чтобы насытиться.

Дашенька очень внимательно выслушала меня, возможно, мало что уразумев, облегчённо вздохнула и кивнула головой. И я отчётливо понял, что кивнула не девочка, а ангел, который вырослел вместе с нею

Верина Надежда

У девочки Веры была любимая кукла по имени Надя. Ей подарили её на день рождения, когда девочке исполнилось пять лет. Верочке нравилось наряжать свою любимицу, купать её в пластмассовой ванне, кормить с ложки, укладывать спать, а когда Надя заболела, девочка ставила ей игрушечный градусник, лечила витаминками и становилась серьёзной и строгой, как доктор.

Время шло. Как это нередко случается с маленькими девочками, постепенно Вера охладела к своей любимой игрушке и начала просить у мамы купить новую по имени Барби. Это была совсем другая кукла, не такая беспомощная, как Надя – модная, разодетая в разноцветные платица, красивые шляпки и туфли на высоких каблуках. Совсем как у взрослых. К тому же Барби никогда не болела, не плакала, не меняла выражения своего рисованного лица. Почти у всех детсадовских подружек уже имелись Барби, девочки даже объединились в одну обособленную компанию, куда не допускались подобные Наде плаксы-пухляши, поэтому Вера со слезами умоляла маму поскорее купить ей новую куклу. И мама, как это нередко случается с некоторыми добренькими родителями, вскоре купила дочери куклу Барби, хотя маме она совсем не нравилась.

Теперь, когда Вера играла с Барби, кукла Надя беспомощно лежала в коробке со сломанными игрушками и молча глядела перед собой чистыми наивными нежно-голубыми глазами, в которых была покорность судьбе, смирение и лёгкая грусть по прошлой радостной жизни. У Нади не было ни злости, ни зависти к новой кукле, лишь только капельная обида на девочку, которая так быстро забыла добрую преданную и любящую Надю.

Однажды Вера обратила внимание на глядящую на неё с укоризной старую куклу и решила её превратить в Барби. Девочка взяла фломастеры и слегка подкрасила ей губы. Этого показалось мало, и она смело подвела ей глаза и брови. А когда увидела, что вместо нежной маленькой девочки на неё смотрит какое-то размалёванное чудовище из кошмарных снов, то ужаснулась и тут же бросилась в ванную смывать страшный макияж. Вера подставляла куклу под струю горячей воды, терла щёткой с мылом, однако фломастер успел впиться в лицо Нади так сильно, что не хотел отмываться полностью. Когда Вера вытерла куклу насухо полотенцем, выяснилось, что краска с губ перешла в нездоровый румянец, а под глазами скромной Наденьки остались тёмно-синие разводы, отчего она стала выглядеть почти зловеще.

Папа у Веры был писателем. Он почти никогда не ругал дочь, даже не повышал на неё голос, а когда выходил из кабинета в зал, обычно шутил с Верочкой, рассказывая ей какие-нибудь смешные истории, от которых девочка весело хохотала. Иными словами, у папы с дочерью была настоящая дружба. Однако в тот день, когда Верочка неудачно постирала Надю и бросила её в коробку со сломанными игрушками, папа обратил на это внимание, нахмурился и строго спросил:

– Что случилось с твоей любимой куклой?

– Она... она... – запинаясь, ответила девочка и густо покраснела. – Она заболела, – отводя глаза в сторону, выдохнула Вера.

– Чем же она заболела? – напирал отец.

– Понимаешь, пап, она хотела стать похожей на новую куклу и покрасила себе лицо, – чуть не плача ответила девочка. – А я... я...

– Эх, Вера, Вера, – укоризненно произнёс папа. – Твоя любимая кукла никогда не станет похожей на эту, как её... Барби. Потому как она совсем не хочет этого, а кто-то более сильный и могущественный к этому её принуждает. Не так ли, доченька?

Опустив голову, Вера кивнула. Две безмолвные слезинки выкатились из глаз и повисли на её шелковистых, загнутых кверху ресничках.

– А что же она хотела? – прошептала девочка.

Папа ласково обнял дочь и смахнул с её ресниц слезинки.

– Надежде всегда не хватает Любви, – спокойно пояснил папа. – А Вере нужна и Любовь и Надежда. Помнишь, я рассказывал тебе историю о трёх девочках – Вере, Надежде и Любви, – и об их маме Софии?

– Помню! – радостно воскликнула девочка. – Конечно, помню! Мою маму зовут Соня, то есть София, и ты сказал, что поэтому вы меня назвали Верочкой. А куклу мы все вместе назвали Надей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.